

Виктор МЕЩЕРЯКОВ, доктор филологических наук,
старший научный сотрудник ИРЛИ АН СССР

КТО ОН, «СВОБОДОЙ ВДОХНОВЛЕННЫЙ»?

А. С. Грибоедов. Мини-
тюра на слоновой кости не-
известного художника.

Д. И. Завалишин. С аква-
рели Н. А. БЕСТУЖЕВА.

А. А. Жандр. Фотография.

Я СНЫМ майским утром 1825 года дорожная коляска ожидала Грибоедова у подъезда. Последние торопливые слова прощания, объятия, поцелуи... Растаял за горизонтом силуэт Северной Пальмиры. Лошади уже втянулись в равномерный неторопливый бег, а Александр Сергеевич все еще перебирал в памяти недавнее прошлое.

Да, год был насыщен событиями до предела... Триумфальный успех «Горя от ума» у читателей и — тщетность попыток напечатать или поставить комедию в театре; ужасное ноябрьское наводнение; знакомство с Карамзиным, Рылевым, А. Бестужевым; воведил сочиненный вместе с Вяземским, Общество любителей Российской словесности; старые друзья — князь-драматург Шаховской, А. А. Жандр; сотни лиц перед глазами...

Кстати, что за конверт положил ему Жандр при расставании в карман сюртука? Грибоедов расправил тщательно сложенный листок, протер очки и взгляделся в каллиграфически выписанные строчки:

С глубоким трепетом
волненья
Я зрю тебя идущим в путь!
Тебе неведомо сомненье
И страха тайное смущенье
В твою не проникает грудь.
Иди ж, свободной
вдохновленный!
Иди принять судьбу свою!
А я, от вас отъединенный,
Ваш подвиг славный воспою.
Молю тебя:
когда в содружном
Кругу ты примешь свой обет,
Друзьям и северным
и южным
Мой братский передай
привет.

...Теперь уже можно только гадать, как уцелело это стихотворение и как осело в чьем-то альбоме, в котором снабдили его пригласительным «адресом» — «Г... .. ву», а имени автора и вовсе не указали. Впервые опубликовавший это стихотворение в 1926 году Н. Л. Бродский заметил, что, судя по содержанию, оно могло быть написано только до 14 декабря 1825 года (иначе откуда оптимистический пафос?), но затруднился сказать, кому оно посвящено.

А если все же попробовать это выяснить? Ведь для Николая I после окончания следствия по делу декабристов был составлен «алфавитный список о всех прикосновенных к этому делу», причем «Алфавит» был настолько подробен, что в него включили и несколько имен личностей, или не выясненных следствием, или вовсе не существовавших, мифических. Коль скоро сеть была такой частой, то трудно допустить, чтобы человек, общавшийся с участниками двух тайных, наиболее серьезных обществ, не попал в поле зрения Следственного комитета.

Фамилий, начинающихся на «Г» и оканчивающихся на «в», в «Алфавите» всего шесть, включая и Грибоедова. Однако все остальные, кроме него, отпадают, ибо никто из них не был осужден о существовании Северного и Южного обществ, и большинство вообще оказалось втянуто в орбиту следствия случайно. И самое главное — только один Грибоедов летом 1825 года из Петербурга через Москву направился в Киев, а затем в Крым, где встречался с южными «братьями».

Следственный комитет, выясняя степень участия Грибоедова в заговоре, больше всего интересовался, не искал ли автор «Горя от ума» по поручению руководителей Северного общества свидания с кем-либо из

членов Южного и не устанавливалась ли тем самым связь с прославленным героем 1812 года, «проконсулом Кавказа», генералом А. П. Ермоловым, доверенным лицом которого был все тот же Грибоедов. Интерес легко объяснимый. Ермолов и его мобильная, обладавшая боевым опытом армия представляли немалую угрозу для Зимнего дворца, а Грибоедов более, чем кто-либо другой из ермоловского окружения, обладал возможностями склонить на сторону заговорщиков видного военачальника, в молодости участвовавшего в заговоре против Павла I.

Спрошенный об этом Рылев отвечал, что слышал о поездке Грибоедова в Киев от Трубецкого, но, насколько ему известно, соратники из Южного общества, желавшие вовлечь поэта в заговор, «не успели в том». Трубецкий подтвердил сказанное Рылевым, выдвинув, правда, несколько иные мотивы: южане действительно «испытывали» Грибоедова, однако «не нашли в нем того образа мыслей, какого желали». Отрицали участие Грибоедова в готовящемся перевороте и другие.

«...Члены Васильковской управы и Трубецкий, — справедливо заметила академик М. В. Нечкина, — так упорно отрицали совершенно ничтожный для их «силы вины» факт, что они хотели принять в общество еще одного члена — Грибоедова, но из этого ничего не вышло. Признай они в этом — за этой ничтожкой потянулся бы большой план революционного выступления...» Со всеми этими фактами содержание стихотворения «Г... .. ву» согласовывается очень хорошо. Может быть, именно поэтому Грибоедов, который, несомненно, был эмиссаром Северного общества, имевшим поручение договориться о слиянии сил двух тайных обществ, но не достигшим цели, испытывает такую сильную «кипохондрию» после посещения Киева. «Скажи мне что-нибудь в отраду, — обращается он к С. Н. Бегичеву 12 сентября, — я с некоторым пор мрачен до крайности. — Пора уме-

реть... сделай одолжение, дай совет, чем мне избавиться от сумасшествия или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди».

Все это дает основание считать Грибоедова безусловным единомышленником «молодых вольнодумцев». Не до конца проясненным остается вопрос: принадлежал ли Грибоедов к тайному обществу и формально? Правда, этот вопрос порождает и другой: а можно ли было доверить столь ответственную миссию человеку случайно, не состоявшему в обществе?

Гипотезы, гипотезы... Их можно строить, но лучше всего найти доказательства, причем заранее известно, что самым сильным из них может быть свидетельство современника. Надеяться на то, что разыщется расписка Грибоедова о вступлении в «братство», не приходится. Такие документы хоть и существовали, но в целях конспирации уничтожались сразу же после написания. По крайней мере ни один из них до нас не дошел.

Помог счастливый случай. Историк литературы Г. А. Невелев, изучающий пушкинские рисунки (а стало быть, и декабристов), сказал мне, что в рукописном отделе Ленинской библиотеки, в фонде Азадовского, видел он материалы, связанные с Грибоедовым.

При первой же возможности смотри опись этого фонда. М. К. Азадовский (1888—1954) был ученым с широким кругозором, занимался в первую очередь фольклором, но немало сделал и для изучения литературного и эпистолярного наследия декабристов, в частности собирал их рукописи.

Азадовский начал формировать свое собрание в двадцатые годы, в эпоху «архивного Клондайка», когда тщательно скрываемые в недрах императорских хранилищ «кромольные» документы наконец стали доступны для изучения. В эти годы публи-

ковалось так много сенсационных материалов, что по-настоящему их значение становилось понятно далеко не сразу.

Вероятно, у Азадовского до всех своих богатств просто не дошли руки. Он, несомненно, надеялся когда-нибудь все внимательно исследовать, да так и не успел. Это произошло, видимо, и с текстом хранящейся в архиве М. К. Азадовского неопубликованной статьи декабриста Д. И. Завалишина «Грибоедов и его «Горе от ума»...

Итак, что же меняет находка в архиве М. К. Азадовского?

Мы располагаем противоречивыми показаниями декабристов о Грибоедове. Шестеро признали принадлежность его к обществу, столько же отрицали его участие в заговоре, четверо воздержались от показаний по этому поводу, отговорившись «незнанием».

В мемуарной литературе существуют два свидетельства современников. Один из них без всяких колебаний заявил, что степень участия автора «Горя от ума» в делах декабристов была «полной» (А. А. Жандр). Другой — Д. И. Завалишин — в известном по многим публикациям «Воспоминании о Грибоедове» употребил не столь четкую формулировку, которая все же, пусть и не категорично, указывает на принадлежность его к членам Северного общества: «...Спасены были и многие другие члены, даже такие, которые были замешаны и сильнее, чем Грибоедов».

Впервые на эти слова обратила внимание М. В. Нечкина, отметившая: «Вероятно, у Завалишина были какие-то сведения об этом вопросе, которые он полностью не раскрыл в своих воспоминаниях...».

В последующих строках своих мемуаров Завалишин говорит о том же самом с еще большей определенностью, которую почему-то не отметила Нечкина. «...Грибоедову благоприятствовали еще и следующие два обстоятельства: он не был в Петербурге в конце 1825 года; а в тех близких отношениях, в каких он находился к Одоевскому

и другим членам Общества, никто с уверенностью не мог сказать о себе, на что бы он решился, если бы присутствовал в Петербурге, как о том откровенно сознался пред высшим лицом и Пушкин, даром что Пушкин даже не был членом Общества...»

Здесь открыто звучит противопоставление одного поэта другому — Грибоедову, который, как это хорошо было известно Завалишину, принадлежал к Северному обществу.

И еще яснее о принадлежности Грибоедова к Северному обществу говорит тот же Д. И. Завалишин в статье из архива М. К. Азадовского. Здесь об этом упоминается вскользь, как о факте самоочевидном, не требующем доказательств: «Это было у А. И. Одоевского. Собрались пять-шесть членов Тайного общества... Разговор перешел естественно на необходимость освобождения крестьян, причем Грибоедов особенно напал на тех лжелибералов, которых весь либерализм заключается в болтании заученных либеральных фраз...».

Присутствовали при этом, кроме рассказчика, А. Одоевский и Каховский. А в черновом тексте «Воспоминания о Грибоедове» Завалишин указал и еще двух декабристов, входивших в тот тесный кружок, что постоянно собирався у Одоевского: «...Не раз мы с ним обедали у Одоевского вятером, он (Грибоедов. — В. М.), я, Рылев, Оболенский и хозяин...».

Можно ли верить Завалишину? В своих объемистых «Воспоминаниях декабриста» он часто очень пристрастен к тем, о ком повествует, и, напротив, всячески выпячивает собственную роль в делах тайного общества. И к Грибоедову он относится весьма сурово, если не открыто недоброжелательно. Но вот это — как раз и убеждает в истинности сообщенного факта, поскольку мемуарист отнюдь не старался «приукрасить» Грибоедова, сделать его в глазах читателей значительным политическим деятелем. Напротив, Завалишин стремится представить дело так, что и «Горе от ума», и личность его творца имели значение лишь в краткий политический момент.

О декабристских связях Грибоедова и Пушкина Завалишин намеревался рассказать более подробно в статье «Воспоминания о Грибоедове и Пушкине», но, к сожалению, написал одну вступительную часть, хотя уже на первой странице не преминул подчеркнуть, что считает «нелишним из всего... известного сообщить по крайней мере то, что может быть сообщено быть в настоящее время».

Завалишин был наделен поистине уникальной памятью и помнил очень многое. Иное дело, что интерпретация реальных фактов у него часто граничит с фантастическим. Так и в данном случае: рассказывая о споре Каховского с Грибоедовым, Завалишин между делом сообщает важную подробность — принадлежность Грибоедова к числу членов Северного тайного общества декабристов, но тут же прерывает ее под корою неприязни к великому писателю, который, по мнению мемуариста, будучи проповедником освобождения народа, в остальных сферах жизни отступал от того нравственного идеала, коим надлежало бы руководствоваться истинному борцу за всеобщее счастье.

Но оставим в стороне этические оценки Завалишина — большая их часть опровергается фактами. Гораздо важнее то, что его воспоминания о Грибоедове с большой уверенностью приводят к выводу: автор «Горя от ума» и организационно входил в декабристское «братство».